
ТРАНСФОРМАЦИИ ПОДХОДОВ ЯПОНИИ К УЧАСТИЮ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В АЗИАТСКО- И ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНАХ*

Мищенко Я. В.**

В статье анализируется изменение подходов Японии к участию в процессах региональной и межрегиональной интеграции с конца XX в. вплоть по настоящее время. Япония приступила к заключению соглашений о свободной торговле с рядом стран-партнеров, в том числе с государствами АСЕАН, впоследствии стала также участвовать в многосторонних интеграционных инициативах в регионе, таких как ТТП и ВРЭП. Некоторая сложность заключается в обилии подобных инициатив. С одной стороны, Япония стала лидером и активным участником вышеупомянутых проектов интеграционного типа. С другой стороны, наряду с США она является одним из идейных вдохновителей создания нового геополитического конструкта – Индо-Тихоокеанского региона. При стремлении сдержать растущее влияние Китая в регионе всеми доступными способами и одновременно зацементировать в обозримом будущем свои более прочные позиции использование для реализации этих задач сразу целого набора разнообразных, но амбициозных и масштабных способов общерегионального значения может оказаться эффективным при осторожном и искусном их применении, но может также обернуться чрезмерной расфокусировкой внимания и излишним распылением дипломатических усилий.

Ключевые слова: Япония, АСЕАН, ТТП, ВРЭП, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, интеграционные процессы.

TRANSFORMATION OF JAPAN'S APPROACHES TO PARTICIPATION IN INTEGRATION PROCESSES IN THE ASIA- AND INDO-PACIFIC REGIONS

The article analyzes the change in Japan's approaches to participation in the processes of regional and interregional integration from the end of the 20th century

---

* **Для цитирования:** Мищенко Я. В. Трансформации подходов Японии к участию в интеграционных процессах в Азиатско- и Индо-Тихоокеанском регионах // Век глобализации. 2024. № 3. С. 85–94. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.08.

For citation: Mishchenko Ya. V. Transformation of Japan's Approaches to Participation in Integration Processes in the Asia- and Indo-Pacific Regions // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 3. Pp. 85–94. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.08 (in Russian).

** Мищенко Яна Вадимовна – к. э. н., доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: yanamishchenko@gmail.com.

Yana V. Mishchenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Senior Research Fellow at Lomonosov Moscow State University. E-mail: yanamishchenko@gmail.com.

Век глобализации 3/2024 85–94

DOI: 10.30884/vglob/2024.03.08

up to the present. Japan started to conclude free trade agreements with a number of partner countries, including the ASEAN states, and also began to participate in multilateral integration initiatives in the region, such as the TPP and the RCEP. Some difficulty lies in the abundance of such initiatives. On the one hand, Japan has become a leader and an active participant in the above-mentioned integration-type projects. On the other hand, along with the United States, it is one of the ideological inspirers of a new geopolitical construct – the Indo-Pacific region. With the desire to contain China's growing influence in the region by all available means and at the same time to cement its own stronger positions in the foreseeable future, the use of a whole range of diverse, ambitious, and large-scale methods to implement these tasks at once can be effective if used thoughtfully and skillfully, but it can also result in excessive defocusing of attention and excessive dispersion of diplomatic efforts.

Keywords: *Japan, ASEAN, TPP, RCEP, integration processes.*

Японию с последней четверти XX в. традиционно относят к числу «больших» держав, рассматривая как один из центров силы современного глобального мира; но при этом она долгое время отличалась от прочих «великих держав» отсутствием серьезных военно-политических амбиций глобального или даже регионального масштаба. Япония привлекает устойчивый международный интерес своей высокой активностью в международной торговле, зарубежном инвестировании и прочих форматах международного экономического сотрудничества [Мелькина 2018]. Японские ТНК представлены в любой стране мира, японская высокотехнологичная продукция также остается широко востребованной и признанной во всем мире в самых разных секторах промышленности: это и японский автопром, и производство сложных наукоемких электротехнических товаров, и передовая продукция энергетического машиностроения, и роботостроение. Япония реализует успешную экономическую дипломатию во всем мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), однако, в отличие от внешнеэкономической и геополитической стратегии двух других «центров силы» глобального мира – США и ЕС, ранее особенно не выказывала интереса к участию в региональных интеграционных процессах. Можно утверждать, что этот формат международного сотрудничества в случае Японии не сыграл роль устойчивого плацдарма экономических успехов, как в случае ЕС, и не стал фактором геоэкономического и геополитического группирования соседних государств вокруг Японии, как в североамериканском интеграционном проекте, зацементировавшем на десятилетия союз с США Канады и Мексики и несколько оторвавшим последнюю от культурно более близкой ей Латинской Америки. Правда, инициативы о формировании более тесного партнерства вплоть до зоны свободной торговли между тремя гигантами Северо-Восточной Азии Японией, Китаем и Южной Кореей витали в воздухе, но полноценного интеграционного объединения наподобие НАФТА из этого не получилось. Однако с 2008 г. с периодичной регулярностью проводятся трехсторонние саммиты КНР, Японии и Республики Корея. Одна из последних таких встреч состоялась в 2019 г., до пандемии коронавирусной инфекции. Успехов в интеграции сторонам даже в этом формате достичь не удалось, так как от обсуждения экономических вопросов Япония, Китай и Южная Корея регулярно переключали внимание на иные темы и проблемные аспекты отношений. Это, например, проблема территориальной при-

надлежности островов Сенкаку в Восточно-Китайском море, проблема судеб южнокорейских женщин в годы японской милитаристской экспансии, а также недавние острые дебаты на тему сбрасывания Японией воды с тритием с АЭС «Фукусима» в Тихий океан. На момент заключения соглашений о новом Транстихоокеанском партнерстве и Всестороннем региональном экономическом партнерстве у Японии с Южной Кореей и Китаем не было соглашений о свободной торговле, какие уже имелись с Индией, Австралией и АСЕАН.

Таким образом, фактически до объявления в 2013 г. Японией о решении вступить в переговоры относительно участия в формирующемся Транстихоокеанском партнерстве многосторонними интеграционными форматами страна особо не интересовалась. Налаженных форматов сотрудничества Японии хватало для реализации основных внутренних и внешних экономических задач. К тому же до XXI в. Япония в большей степени делала ставку на механизмы ГАТТ и ВТО для участия в многосторонних торговых переговорах и обеспечения выгодного и равноправного торгового сотрудничества. Однако затяжные и не особенно удачные переговоры Дохийского раунда стали толчком для пересмотра страной своего традиционного курса на многонациональные переговоры в рамках ГАТТ – ВТО.

При этом многонациональные переговорные механизмы в рамках АТЭС с 1989 г. также активно использовались Японией для продвижения и либерализации региональной торговли. Однако когда стала проявляться неспособность данного межправительственного форума реализовать, например, свои же «Богорские цели» о создании в АТР зоны свободной и открытой торговли и инвестиций, или Осацкую программу действий в поддержку реализации Богорских целей, в Японии утвердилось в стремлении к поиску новых, более эффективных форматов внешнеэкономического сотрудничества. Такими форматами сперва стали двусторонние торговые соглашения. С 2002 г. Япония подписала торговые соглашения с Сингапуром, Малайзией, Чили, Брунеем, Таиландом, Филиппинами, Индонезией, Вьетнамом, Индией [Ковригин 2016]. В 2008 г. вступило в силу соглашение об экономическом партнерстве Японии с АСЕАН, оно официально охватывало торговлю товарами и услугами и инвестиции. Запланирована отмена пошлин была к 2026 г. Однако страны АСЕАН не были абсолютно удовлетворены достигнутым с Японией в тот период соглашением о либерализации экономических связей, так как она не пошла на отмену тарифов на продовольствие и свободное перемещение рабочей силы из стран АСЕАН. Вопрос о более свободной миграции рабочей силы всегда был важен для всех стран Юго-Восточной Азии, однако некоторого прогресса на переговорах с Японией удалось добиться только Индонезии, Вьетнаму и Филиппинам [Там же]. Таким образом, хотя соглашения о свободной торговле с АСЕАН и отдельными странами этого объединения и были заключены в первой декаде XXI в., однако в ряде аспектов они оценивались как далеко не исчерпывающе полные или даже полноценные. Было понятно, что переговоры интеграционной направленности между странами будут продолжены.

Транстихоокеанское партнерство и ВРЭП – интеграционные соглашения нового поколения

Транстихоокеанское партнерство (ТПП) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) стали интеграционными соглашениями нового

поколения. Оба имеют трансрегиональный характер, так как выстроены на принципах преобладающей в эпоху глобализации политики открытого регионализма и мультилатералистских подходов. Япония участвует в обоих интеграционных проектах. К участию в ТТП Японию привлекли США, справедливо посчитав, что вовлеченность такого крупного регионального актора добавит инициативе вес в глазах международного сообщества и увеличит шансы на успешную реализацию. В Японии это соглашение называли знаковым для будущего Японии и всего АТР. Оно поставило амбициозную задачу – заложить основы для формирования всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, которая гипотетически, при благоприятном развитии, могла бы расширяться и охватывать все страны региона. Однако при этом Китай еще в период лидерства в проекте США присоединиться к ТТП не пригласили. Это предопределило восприятие Транстихоокеанского партнерства как проекта, направленного на сдерживание КНР. Официально участники объясняли неприсоединение Китая слишком высокой планкой либерализации в рамках проекта – усредненный уровень применяемых торговых тарифов в региональной торговле был согласован на уровне примерно 10 %. Однако позднее КНР продемонстрировала готовность своей экономики к аналогичным шагам в рамках другого интеграционного проекта – ВРЭП, созданного на основании традиционного ядра восточноазиатской интеграции АСЕАН и стран, с которыми у объединения уже было заключено соглашение о свободной торговле. ВРЭП в определенном смысле цементирует центральную роль АСЕАН в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В процессе подготовки соглашения о ВРЭП фокус внимания был направлен на сложные переговоры с Индией. При создании проекта странами-участницами предполагалось, что таможенные пошлины будут устранены по 95 % тарифных линий. Однако соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН с Индией предполагало их устранение только по 78,8 % тарифных линий [Королев 2017: 49]. Индия продолжала придерживаться протекционистской политики, так как опасалась наплыва более дешевой китайской продукции в случае большего открытия внутренних рынков. Опасения снижения конкурентоспособности национальной продукции являются типичными для многих стран при обдумывании целесообразности участия в том или ином интеграционном формате. Со схожей ситуацией столкнулась и Япония, когда в течение шести лет, вплоть до 2013 г., тщательно обдумывала решение о своем участии в ТТП. Представители японских промышленных кругов выступали в поддержку участия в проекте: продукция промышленности, особенно японского автопрома, традиционно доминирует в структуре экспорта, и перспектива расширения экспортных возможностей представлялась весьма заманчивой. Представители японского аграрного сектора, наоборот, опасались наплыва более дешевой и менее качественной американской сельскохозяйственной продукции. Отказ от мер протекционистской защиты аграрного сектора выглядел в этом ключе рискованным. Но в итоге Япония решила, что выгоды перевешивают риски, и присоединилась к проекту [Мищенко 2020: 161].

С участием Индии в проекте ВРЭП ситуация сложилась иначе. Не найдя компромисса с Китаем по ряду вопросов, Индия приняла решение выйти из состава участников, и только после этого, в ноябре 2020 г., было подписано соглашение о создании ВРЭП, вступление в силу которого в 2022 г. создало крупнейшую в ми-

ре зону свободной торговли. В июне 2023 г., несмотря на оппозицию внутри страны, Филиппины ратифицировали торговое соглашение ВРЭП, что означает его вступление в действие для всех стран-участников. При этом определенные трудности с ВРЭП есть у Мьянмы, которая сейчас находится под управлением военных.

Тот факт, что в ходе длительных переговоров по параметрам участия Индии в проекте ВРЭП эта страна, которой США и Япония прочат роль нового центра в создаваемом в настоящее время конструкте Индо-Тихоокеанского региона, а сама она явно готовится обозначить претензии на статус «великой державы» нового времени, не сумела отстоять в многосторонних региональных переговорах свою позицию или хотя бы найти устраивающий все стороны компромисс, в некоторой степени ставит под сомнение реальный потенциал Индии уже сейчас стать полноправным региональным лидером. Вероятно, целесообразно признать, что Индии все еще не хватает авторитетности и всеобщего признания в качестве лидера во многих региональных вопросах. Также это может объясняться в некоторой степени менее напористым характером позиции Индии в международных вопросах, чем та, что демонстрирует Китай.

Индо-Тихоокеанский регион: проблемы и неоднозначные подходы

С учетом нынешней ситуации представляется в комплексе, что вопросы целесообразно поднимать не только касательно лидерства Индии среди стран региона, но также относительно институционального оформления конструкта Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Концепт Индо-Тихоокеанского региона широко пропагандируется на самом высоком уровне в таких странах, как США и Япония, которые последовательно прилагают большие усилия для регионального сдерживания Китая. Поэтому данные страны хотели бы несколько изменить устоявшиеся границы давно ставшего традиционным и общепринятым Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором КНР играет одну из ключевых ролей, будучи географически расположенной в самом сердце Восточной Азии, с помощью нового геополитического конструкта, в котором Китай был бы оттеснен на периферию. ИТР призван реализовать этот замысел Вашингтона и Токио, а потому данная концепция уже не один год получает широкую поддержку правительственных кругов и экспертов высокого уровня этих стран. Однако целесообразен вопрос, на каком международно-правовом или институциональном базисе, помимо широкой международной правительственной и экспертной пропаганды, концепт ИТР основывается в данный момент. Если в определенной степени в поддержку региона АТР в 1989 г. был создан и продолжает свое существование форум АТЭС, став самой обширной и активно используемой диалоговой площадкой в регионе, то какие механизмы являются несущей конструкцией формируемого на данном этапе ИТР, пока остается не совсем понятным. При этом очевидно, что одна из центральных ролей в нем может быть отведена АСЕАН и, что вполне логично, Индии. Однако, потерпев откровенную неудачу в переговорах о создании ВРЭП, Индия видится в мегапроектах региона все же несколько более скромным и сторонним участником.

Между тем Япония продолжает делать серьезную ставку на проработку концепции ИТР. Пока не имея возможности подготовить для него институциональ-

ную или правовую основу, Япония действует, разумеется, прежде всего исходя из своих стратегических интересов, консолидируя вокруг себя потенциальных сторонников ИТР, в частности из числа государств АСЕАН. Принятие и одобрение нового проекта регионального устройства остальными странами региона представляется важным, так как в свое время географический подход, положенный в основу АТР, воспринимался нейтрально для всех стран региона, поскольку не прочил какую-то одну страну в лидеры региона. Это важно для стран АТР, который в XXI в. стремится скорее к многополярности, чем к признанию гегемонии и лидерства одной страны. Концепт ИТР, с одной стороны, отражающий объективное углубление сотрудничества между пространствами Тихого и Индийского океанов, с другой – все же явственно перемещает фокус внимания на Индию, делая ее неотъемлемым полюсом формирующегося геополитического пространства. Это не только накладывает на нее серьезную ответственность новой региональной миссии, но также может заставить отдельные страны опасаться чрезмерного увеличения ее влияния, что просматривается в отношении стран АСЕАН, например к Китаю. По этой причине Япония не только занимается дипломатическим развитием своих двусторонних отношений со странами АСЕАН, но также формирует альянсы с некоторыми из стран Юго-Восточной Азии в контексте общей поддержки концепции ИТР и готовности участвовать в этом крупном геополитическом проекте.

Страны АСЕАН в контексте перспектив индо-тихоокеанской интеграции

В последнее время прослеживается особенно важное значение, которое придается развитию отношений Японии с Филиппинами, в том числе как основе будущего стратегического сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. В 2022–2023 гг. активизация дипломатических связей Японии и Филиппин была явно нацелена в том числе на создание стратегических альянсов в области безопасности формируемого Индо-Тихоокеанского региона. Так, в апреле 2022 г. состоялись переговоры министров иностранных дел и обороны Японии и Филиппин [Ministry... 2022]. Страны в последнее десятилетие активно работают над созданием стратегического партнерства в области региональной безопасности, подчеркивая также косвенное участие в их альянсе США, которые тоже видят себя актором ИТР. Японская береговая охрана предоставляет партнерам патрульные суда для эффективного обеспечения морской безопасности. Это выглядит актуально в контексте намерения Японии и Филиппин, которые также являются союзниками США, оказывать посильное противодействие росту активности Китая в Южно-Китайском море, его растущему влиянию в регионе.

В феврале 2023 г. Токио с визитом посетил руководитель Филиппин Ф. Маркос. Значительное внимание переговорной повестки было уделено подтверждению важной роли Японии в экономическом сотрудничестве с Филиппинами. Япония является вторым крупнейшим торговым партнером Филиппин и крупнейшим источником официальной помощи развитию (ОПР). К 2022 г. Япония реализовывала или уже реализовала порядка 45 проектов помощи развитию Филиппин, в то время как КНР – не более пяти. Особенно важна для Филиппин готовность Японии инвестировать в инфраструктурные проекты.

Контакты на высшем уровне с Филиппинами в 2023 г. этим не ограничились. В начале ноября 2023 г. премьер-министр Японии Ф. Кисида посетил Филиппины с официальным визитом, что подчеркивает близость позиций двух стран по ряду вопросов, общие темы для переговоров, такие как продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона, укрепление сотрудничества в области обороны. Велика вероятность, что Филиппины станут первой страной в АСЕАН, с которой Япония разработает и заключит Договор о взаимном доступе в сфере обороны и безопасности, что подразумевает, например, проведение совместных военных учений. Также 3 ноября Ф. Кисида объявил о решении безвозмездно предоставить Филиппинам сторожевые катера и радары для охраны эксклюзивной экономической зоны в Южно-Китайском море, на которую частично претендует КНР. На примере Филиппин Токио планирует отработать новый подход к сотрудничеству в области безопасности, позволяющий предоставлять вооружения дружественным странам. Вероятно, эта практика вскоре будет использована в отношениях с Малайзией.

В целом в ходе встречи на высшем уровне между Японией и Филиппинами была подтверждена приверженность стран тесному сотрудничеству в преддверии саммита Япония – АСЕАН, проведение которого было запланировано в декабре 2023 г. в Токио в честь 50-летия дружбы и сотрудничества между странами.

Помимо посещения Филиппин, японский премьер-министр 4–5 ноября 2023 г. также посетил с первым официальным визитом Малайзию. В ходе турне обсуждалось создание Японией программы по оказанию военной помощи развивающимся странам-партнерам («Официальная помощь в целях безопасности»). Среди стран АСЕАН Малайзия и Филиппины будут получателями этой помощи. В бюджет Японии на текущий финансовый год для реализации новой инициативы заложено около 2 млрд иен (\$14,9 млн) [Япония... 2023].

Сотрудничество Японии с Малайзией и Филиппинами углубляется не только в сфере обороны и общности отношения к ряду аспектов региональной повестки, но также в области экономических связей. В течение девяти лет, с 2015 г., Япония является четвертым крупнейшим торговым партнером Малайзии. По итогам за 2022 г. торговый оборот Малайзии с Японией оценивался в 4,21 млрд долларов, составляя 6,4 % суммарной внешней торговли Малайзии. Также по состоянию на июнь 2023 г. 2778 инвестиционных проектов реализовывалось японскими компаниями в Малайзии, с общим объемом зарубежных инвестиций в размере 27,43 млрд долларов [The Malaysian... 2023].

Следует отметить, что Ф. Кисида уделяет умеренное, но регулярное внимание поддержанию дипломатических контактов с различными странами АСЕАН. Так, в марте 2022 г. он побывал с официальным визитом в Камбодже, которая председательствовала в АСЕАН, что в целом показало намерение Японии продолжать взаимодействие с данным блоком, в том числе для совместного претворения в жизнь проекта Индо-Тихоокеанского региона.

«Декаплинг» с Россией в контексте изменений планов Японии по региональной интеграции

Официальной активной роли в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе у России практически не было, хотя стремление участвовать

в этих процессах обозначалось официально в важнейших правительственных документах Российской Федерации. Например, пункт 78 раздела IV «Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации» Концепции внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 г. прямо отмечал, что «Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока». Пункт 88 этого же документа отмечал, что Россия будет придерживаться курса «на выстраивание добрососедских связей и осуществление взаимовыгодного сотрудничества с Японией, в том числе в целях обеспечения стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Мищенко 2022: 141].

В противовес Концепции внешней политики от 2016 г. новая Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. в разделе «Азиатско-Тихоокеанский регион» не фокусирует внимание на задаче интеграции страны в этот регион. Обозначается стремление к формированию «широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы “Один пояс – один путь”» [Указ... 2023]. Данное видение, безусловно, отражает нынешнюю сложную ситуацию и круг стратегических и возможных партнеров России, однако не следует упускать из виду, что страны АСЕАН не менее важны, например, для Японии, для реализации ее собственных экономических, а в последнее время и геополитических амбиций. Очевидно, в российских политических кругах есть это понимание, пусть даже еще несколько обтекаемое, так как эта же Концепция внешней политики 2023 г. гласит, что приоритетное внимание нужно уделять «противодействию попыткам расшатать созданную вокруг АСЕАН региональную систему многосторонних объединений в сфере обеспечения безопасности и развития, основанную на принципах консенсуса и равноправия ее участников» [Концепция... 2023]. Японию сложно было бы упрекнуть в 2022–2023 гг. в шагах, нацеленных на дестабилизацию ситуации вокруг АСЕАН. Однако очевидный процесс сближения Токио с Филиппинами по вопросам не только экономического сотрудничества, но также партнерства в области региональной обороны и безопасности наглядно показывает, что Япония не намерена отпускать входящие уже много лет в ее ореол интересов страны Юго-Восточной Азии в расширяющееся евразийское партнерство. Впервые за многие годы своей официально пацифистской политики Япония стала обозначать более активную роль в региональной оборонной стратегии, и страны АСЕАН могут играть в ней одну из ключевых ролей, особенно в контексте концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Следует также отметить, что в период управления Японией ныне покойным премьер-министром Синдзо Абэ акцент на экономическое сближение с Россией очевидно и последовательно прослеживался, причем в ряде случаев инициатором активизации экономических связей была японская сторона. Это, например, представленный С. Абэ в 2016 г. план экономического сотрудничества с Россией из восьми пунктов. Готовность японцев усиливать экономические связи имела «двойное дно», а именно желание через экономические интересы сдвинуть с места ре-

шение «курильского вопроса». Тем не менее стабильные добрососедские связи с Токио, очевидно, были России на руку в тот период в контексте реализации задач интеграции в регион. И наоборот, практически полный «декаплинг» Москвы и Токио, набравший обороты с 2022 г. и продолжающийся по сей день, несколько отдалил нашу страну от задачи интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион. Япония же при новом премьер-министре Фумио Кисиде, практически в одночасье без раздумий и внешних сожалений свернув хорошо отлаженные при С. Абэ связи с Москвой, переключила свой фокус внешнеэкономической и политической стратегии на актуализацию архитектуры региональной безопасности с повышением роли Филиппин и некоторых прочих стран АСЕАН в своей многообразной региональной дипломатии.

Заключение

В статье показано динамичное и подверженное определенным изменениям отношение Японии к участию в процессах региональной интеграции. Долгое время страна делала ставку в своем экономическом развитии не на интеграцию, а на индивидуальную эффективную экономическую политику и дипломатию. Тяжелый груз исторического прошлого в первой половине XX в., а также несовпадение интересов в ряде краеугольных вопросов не позволили реализовать порой витавшие в воздухе идеи интеграции трех экономических гигантов Северо-Восточной Азии: Японии, Китая и Южной Кореи. Для эффективной торговой политики Япония активно использовала покровительство Вашингтона, а также многосторонние переговорные механизмы, такие как ГАТТ – ВТО. Однако по мере упрочнения экономических позиций Азиатско-Тихоокеанского региона в мире в Токио стали все больше внимания уделять участию в различных диалоговых и квазиинтеграционных форматах взаимодействия в АТР. Япония стала участником АТЭС, диалоговых форматов АСЕАН+1, +3, +6. И только во второй декаде XXI в. страна «созрела» до полноценного участия в интеграционных проектах нового поколения – Транстихоокеанском партнерстве и Всестороннем региональном экономическом партнерстве. Однако экономическая эффективность этих мегапроектов все еще ставится под сомнение. Вместе с тем с приходом к власти в Японии нового правительства Фумио Кисиды очевидно разочарование в стране от неуспешных попыток через, в общем-то, сомнительной эффективности экономические стимулы выторговать у России Южнокурильские острова, которое выразилось на фоне общего кризиса международных отношений в резком охлаждении вплоть до разрыва Токио отношений с Москвой. Эти решения японских властей в некоторой степени повлияли на логику развивавшихся в регионе интеграционных процессов, в которые в последние годы и даже десятилетия все более погружалась Российская Федерация. Недружественные действия японских властей внесли свой вклад в и без того намечавшийся раскол региона на фоне обостряющейся конкуренции за гегемонию США и Китая, способствовали отходу от формирующейся в регионе многополярности и возврату к элементам блокового мышления. Япония с разгромного для себя завершения Тихоокеанской войны впервые предпринимает нетривиальные для своей более чем полувековой политики шаги – от экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе пытается перейти к усилению сотрудничества в области обороны и безопас-

ности, иначе говоря, к развитию элементов военно-политической интеграции, активно используя для этого как плацдарм субрегион Юго-Восточной Азии и концепцию Индо-Тихоокеанского региона.

Литература

Ковригин Е. Б. Япония и соглашение о Транстихоокеанском партнерстве // *Пространственная экономика*. 2016. № 2. С. 37–54.

Королев А. С. ВРЭП в системе многостороннего экономического сотрудничества в АТР // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2017. № 36. С. 46–57.

Мелькина А. В. Трансформация подходов Японии к участию в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Россия и АТР*. 2018. № 1. С. 82–105.

Мищенко Я. В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы // *Япония: ежегодник*. 2020. Т. 49. С. 157–174.

Мищенко Я. В. Процессы интеграции и дезинтеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе: задачи и перспективы для России // *Век глобализации*. 2022. № 1. С. 139–151.

Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Япония предоставит военную помощь развивающимся странам [Электронный ресурс] : Caliber. 2023. 3 апреля. URL: <https://caliber.az/post/yaponiya-predostavit-voen-nuyu-pomosh-razvivayushimsya-stranam> (дата обращения: 03.11.2023).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. April 9 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_003111.html (дата обращения: 02.11.2023).

The Malaysian Reserve. 2023. November 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://the-malaysianreserve.com/2023/11/04/japan-pm-kishida-on-two-day-working-visit-to-malaysia/> (дата обращения: 05.11.2023).